

Глава I

Не знаю, право, с чего начать, хотя иногда, в шутку, я сваливаю всю вину на Чарли Фэрасета. У него была дача в Мидл-Вэллей, под сенью горы Тамальпе, но он проводил в ней время только в зимние месяцы, когда читал Ницше и Шопенгауэра, чтобы дать отдых своему мозгу. Когда наступало лето, он предпочитал страдать от жары и пыли в городе и работать не покладая рук. Не будь у меня привычки навещать его каждую субботу и оставаться у него до утра понедельника, я не очутился бы именно в это утро январского понедельника на водах бухты Сан-Франциско.

Нельзя сказать, что «Мартинес» представлял собой надежное судно — это был новый маленький пароходик, совершавший свой четвертый или пятый рейс между Саусалито и Сан-Франциско. Опасность грозила со стороны покрывавшего всю бухту тяжелого тумана, хотя я, как человек сухопутный, почти не догадывался об этом. Я хорошо помню, как спокойно и радостно расположился на верхней передней палубе, под самой рубкой рулевого, и любовался таинственными клубами этого тумана, овладевшего моим воображением. Дул свежий бриз, и некоторое время я был один среди сырости и мрака, — впрочем, и не совсем один, так как смутно сознавал присутствие рулевого и еще кого-то, по-видимому капитана, в стеклянной будке над своей головой.

Помню, я размышлял о том, как хорошо, что благодаря разделению труда я не обязан изучать туманы, ветры, приливы и всю морскую науку, если хочу навесить друга, живущего по ту сторону морского рукава. «Хорошо, что существуют специалисты», — думал я. Рулевой и капитан с их профессиональными знаниями обслуживают тысячи людей, знающих о море и мореплавании не больше моего. Вместо того чтобы отдавать свою энергию изучению множества вещей, я сосредоточиваю ее на немногих специальных вопросах, например на выяснении вопроса о месте, занимаемом Эдгаром По в американской литературе. Кстати, моя статья об этом напечатана в последнем номере «Атлантика». Проходя после посадки на

пароход через каюту, я с удовольствием заметил какого-то плотного джентльмена, читавшего номер «Атлантика», раскрытый как раз на моей статье. В этом опять сказывалось разделение труда: специальные знания рулевого и капитана давали плотному джентльмену возможность читать плоды моих специальных знаний о По и в то же время безопасно переправляться из Саусалито в Сан-Франциско.

Какой-то краснолицый человек, хлопнув дверью каюты за моей спиной и выбравшись на палубу, прервал мои размышления, и я успел только мысленно зафиксировать тему моей будущей статьи, которую мне захотелось назвать «Необходимость свободы. Слово в защиту художника». Краснолицый человек взглянул на рулевую рубку, посмотрел на окружающий туман, проковылял назад и вперед по палубе — очевидно, у него были протезы — и остановился рядом со мной, широко расставив ноги и с выражением полного блаженства на лице. Я оказался прав, когда решил, что он провел свою жизнь на море.

— От такой погоды волосы могут поседеть, — сказал он, кивая в сторону рулевой рубки.

— Мне кажется, что особых затруднений нет, — ответил я. — Дело капитана просто, как дважды два — четыре. Компас дает ему направление; расстояние и скорость также известны. Тут простая математическая достоверность.

— Затруднения! — проворчал мой собеседник. — Просто, как дважды два — четыре! Математическая достоверность! — Глядя на меня, он как будто искал для себя точки опоры.

— А что вы скажете об отливе, стремящемся сквозь Золотые Ворота? — спросил или, вернее, пролаял он. — Быстро ли падает вода? Какие возникают течения? Прислушайтесь-ка, что это? Мы лезем прямо на колокольный буй! Видите, они меняют курс.

Из тумана донеслись заунывные удары колокола, и я увидел, как рулевой быстро стал крутить колесо. Колокол, находившийся, казалось, впереди, звучал теперь сбоку. Слышался хриплый гудок нашего пароходика, и время от времени из тумана доносились другие гудки.

— Это тоже пассажирские пароходы, — заметил краснолицый человек, указывая вправо, в сторону последнего гудка. — А это! Слышите? Просто рупор. Верно, какая-нибудь плоскодонная шхуна. Эй, не зевайте там, на шхуне!

Невидимый пароходик гудел без конца, и рупор вторил ему, казалось, в страшном смятении.

— Вот теперь они обменялись любезностями и стараются благополучно разойтись, — продолжал краснолицый человек, когда тревожные гудки прекратились.

Его лицо сияло и глаза горели восхищением, когда он разъяснял мне, о чем кричат друг другу сирены и рожки.

— Вот теперь слева проходит паровая сирена, а слышите, вон там кричит какая-то паровая шхуна, как будто лягушка квакает. Она, кажется, очень близко и ползет навстречу отливу.

Резкий звук неистовствовавшего, как сумасшедший, свистка раздался где-то совсем близко впереди. На «Мартинесе» ему ответили ударами гонга. Колеса нашего парохода остановились, их пульсирующие удары замерли, но вскоре возобновились. Свисток, напоминавший стрекотание кузнечика среди голосов крупных животных, пронизывал туман, отклоняясь все больше в сторону и быстро ослабевая. Я вопросительно посмотрел на своего спутника.

— Какой-то отчаянный баркас, — пояснил он. — Прямо перед нами, стоило бы потопить его! От них бывает много бед, а кому они нужны? Какой-нибудь осел заберется на такую посудину и носится, сам не зная зачем, надрывая свисток и заставляя всех на свете волноваться! Скажите пожалуйста, важная птица! А вам приходится из-за него смотреть в оба! Право свободного пути! Необходимая порядочность! Они не отдают себе отчета во всем этом!

Этот ничем не оправдываемый гнев очень позабавил меня, и, пока мой собеседник возмущенно ковылял взад и вперед, я снова отдался романтическому обаянию тумана. Да, в этом тумане, несомненно, была романтика. Словно серая тень неизмеримой тайны, повис он над бурлящим кусочком земного шара. А люди, эти сверкающие атомы, гонимые ненасытной жаждой деятельности, мчались на своих деревянных и стальных конях сквозь самое сердце тайны, ощупью находя свой путь в незримом, и беседовали с напускным спокойствием, в то время как их души дрожали от неуверенности и страха.

Голос моего спутника вернул меня к действительности и заставил усмехнуться. Ведь я сам блуждал ощупью, тогда как думал, что мчусь уверенно сквозь тайну.

— Эге! Кто-то идет нам навстречу, — сказал он. — Слышите, слышите? Он быстро приближается. Идет прямо на нас. Кажется, он еще не услышал нас. Ветер относит.

Свежий бриз дул прямо в нашу сторону, и я ясно слышал свисток сбоку и немного впереди нас.

— Тоже пассажирский? — спросил я.

Краснолицый человек кивнул и добавил:

— Да, иначе он не несся бы так, сломя голову. Гм, наши там забеспокоились!

Я посмотрел вверх. Капитан высунул голову и плечи из рулевой рубки и напряженно всматривался в туман, будто стремясь силой своей воли проникнуть сквозь него. Лицо его отражало тревогу, как и лицо моего спутника, который проковылял к перилам и внимательно смотрел в сторону невидимой опасности.

Все произошло с непостижимой быстротой. Туман раздался в стороны, будто разрезанный лезвием, и показался нос парохода, тащивший за собой клочья тумана, словно водоросли на морде Левиафана. Я разглядел рулевую рубку и высунувшегося из нее белобородого старика. Он был одет в синюю форму, и я помню, с каким непоколебимым спокойствием он держался. Его спокойствие при этих обстоятельствах было ужасно. Он подчинился судьбе, шел рука об руку с нею и холодно измерял удар. Он смотрел на нас, как бы рассчитывая точку, где должно произойти столкновение, и не обратил никакого внимания на яростный окрик нашего рулевого: «Вы сделали свое дело!»

Оглядываясь в прошлое, я вижу, что фраза рулевого, по всей очевидности, и не требовала ответа.

— Держитесь за что-нибудь, — сказал мне краснолицый человек.

Его жизнерадостность слетела с него, и, по-видимому, он заразился тем же сверхъестественным спокойствием.

— Послушайте, как женщины будут визжать, — сердито, почти злобно сказал он, как будто ему уже раньше приходилось это наблюдать.

Суда столкнулись прежде, чем я успел воспользоваться его советом. По-видимому, встречный пароход ударил нас в середину борта, хотя я этого не видел. Это было вне поля моего зрения. «Мартинеса» сильно качнуло, и послышался треск ломающегося дерева. Я упал плашмя на мокрую палубу и не успел еще под-

няться на ноги, как услышал крик женщин. Это был неопиcуемый, душераздирающий вопль, наполнивший меня ужасом. Я вспомнил, что спасательные пояса лежат в каюте, но у дверей столкнулся с толпой обезумевших пассажиров. Не помню, что произошло в ближайшие минуты, но перед моими глазами сохранилась картина, как снимали спасательные пояса с высоких полок над головой и как краснолицый человек обвязывал ими нескольких бывших в истерике женщин. Как сейчас, вижу я зазубренные края пробоины в стене каюты и вползавший в это отверстие серый туман; пустые мягкие сиденья с разбросанными на них доказательствами внезапного бегства — пакетами, саквояжами, зонтиками и пледями; плотного джентльмена, читавшего мою статью, а теперь упакованного в пробку и парусину, — журнал все еще был у него в руке, и он с монотонной настойчивостью спрашивал меня, есть ли, по моему мнению, опасность; краснолицего человека, бодро ковылявшего на искусственных ногах и снабжавшего поясами всех вновь прибывавших; и, наконец, визжащий бедлам женщин.

Да, визг женщин больше всего действовал мне на нервы. Повидимому, от него страдали и нервы краснолицего человека, ибо я помню еще другую картину, которая никогда не изгладится из моей памяти: плотный джентльмен засовывает журнал в карман пальто и с любопытством озирается кругом; перепутавшаяся толпа женщин, с вытянутыми бледными лицами, рыдает, словно хор потерянных душ, а краснолицый человек, с лицом, теперь уже совсем багровым от гнева, и с поднятыми над головой руками, из которых, казалось, сейчас посыплются молнии, громовым голосом орет:

— Молчать! Молчать, говорят вам!

Эта сцена вызвала во мне внезапный смех, но через минуту я понял, что сам впал в истерику; ведь передо мной были женщины моего круга, женщины, похожие на мою мать и сестер, охваченные страхом грозившей им смерти и не желавшие умирать. Я помню, что их голоса напомнили мне визг свиней под ножом мясника, и реальность этого сравнения поразила меня ужасом. Эти женщины, способные на самые высокие чувства, на самую нежную симпатию, вопили, разинув рты. Они хотели жить, они были беспомощны, как крысы в крысоловке, и визжали изо всех сил.

Ужас этого зрелища выгнал меня на палубу. Я испытывал слабость и отвращение и опустился на скамью. Смутно видел

я метавшихся людей и слышал их крики при попытках спустить шлюпки. Блоки застревали. Все было в неисправности. Одну шлюпку спустили, забыв вставить пробку; когда женщины и дети сели в нее, она наполнилась водой и перевернулась. Другую шлюпку удалось спустить только одним концом, и другим концом она все еще болталась на таях. А парохода, вызвавшего все это несчастье, и след простыл, но кругом говорили, что он, несомненно, вышлет спасательные шлюпки.

Я спустился на нижнюю палубу. Очевидно, «Мартинес» быстро погрузался, так как вода была уже очень близко. Многие пассажиры бросались за борт. Другие просили из воды, чтобы их взяли обратно наверх. Никто не слушал их. Поднялся общий крик: «Тонем!» Я был захвачен возникшей паникой и бросился в воду среди множества других, падавших в море тел. Я и сам не знал, как я это сделал, но зато мгновенно понял, почему находившиеся в воде так жаждали вернуться на пароход. Вода была холодна — холодна до боли. Когда я нырнул, меня обожгло, как огнем. Холод пронизывал меня до костей, словно рука смерти уже схватила меня. Я захлебывался от неожиданности и страха и успел набрать полные легкие воды прежде, чем спасательный пояс снова поднял меня на поверхность. Вкус соли наполнял горечью мой рот, и я задыхался от ощущения чего-то едкого, проникшего мне в горло и легкие.

Но особенно ужасен был холод. Я чувствовал, что не выживу больше нескольких минут. Вокруг меня в воде барахтались люди. Я слышал, как они что-то кричали друг другу. Я слышал также звук весел. Очевидно, встречный пароход спускал шлюпки. Время шло, и я удивлялся, что все еще жив. Но нижняя половина моего тела утратила чувствительность, и холодное онемение подступало к самому сердцу. Мелкие волны с сердито пенящимися хребтами опрокидывались на меня, забирались в рот и заставляли задыхаться.

Постепенно звуки стали менее отчетливыми, но вдруг я услышал вдали последний отчаянный вопль и понял, что «Мартинес» пошел ко дну. Потом — не знаю, насколько позже это было, — я очнулся с новым приливом ужаса. Я был один. Я не слышал больше призывных криков — только шум волн, которому туман придавал какую-то таинственную, дрожащую звучность. Паника, охватывающая человека, когда он в толпе, не так ужасна, как паника, переживаемая наедине. Куда волны несли меня? Краснолицый че-

ловец говорил, что отлив уходит через Золотые Ворота. Неужели меня унесет в открытое море? А мой спасательный пояс — не развалится ли он в любую минуту? Я слышал, что они иногда делаются из папки и тростника, и тогда, напивавшись водой, быстро теряют свою плавучесть. А ведь я совсем не умел плавать. Я был один и плыл неведомо куда, среди беспредельной серой пустыни. Признаюсь, что мною овладело безумие, я кричал, как кричали женщины, и бил по воде своими окоченевшими руками.

Я не имею понятия о том, долго ли это продолжалось. Потом я впал в забытие и об этом времени вспоминаю только как о тяжелом, полном кошмаров сне. Когда я очнулся, казалось, прошли века. Почти над собой я увидел выступавший из тумана нос судна и три треугольных паруса, заходящих один за другой и вздуваемых ветром. Там, где нос разрезал воду, она пенилась и клокотала, и я был как раз на этом пути. Я хотел крикнуть, но у меня не было сил. Нос судна промчался вплотную мимо меня, окатив потоком воды. Мимо меня скользил длинный черный борт судна — так близко, что я мог бы прикоснуться к нему руками. Я сделал попытку ухватиться за него, готов был впиться в дерево ногтями, но руки мои были тяжелы и безжизненны. Я снова попытался крикнуть, но голос изменил мне.

Вот промчалась и корма судна, как будто погруженная в провал между волнами. Мельком я увидел человека у руля и другого, который спокойно курил сигару. Я видел дым, поднимавшийся у него изо рта, когда он медленно повернул голову и скользнул взглядом по воде в мою сторону. Это был случайный, рассеянный взгляд — одно из тех движений, которые люди машинально делают, когда они ничем не заняты.

Но жизнь и смерть были в этом взгляде. Я видел, как туман снова поглотил судно. Я видел спину рулевого и голову другого человека, когда он повернулся и посмотрел на воду. Видимо, он сосредоточенно о чем-то думал, и мне казалось, что, если его взгляд упадет на меня, он все равно меня не заметит. Но его глаза внезапно блеснули и встретились с моими. Он увидел меня, потому что он прыгнул к штурвалу и, оттолкнув рулевого, сам быстро стал крутить колесо, перебирая по нему руками и в то же время выкрикивая какую-то команду. Судно начало отклоняться от своего прежнего курса, но почти в тот же миг скрылось в тумане.

Я почувствовал, что снова впадаю в беспамятство, и из последних сил боролся с душившими меня пустотой и мраком. Вскоре я услышал быстро приближавшиеся плеск весел и человеческий голос. Когда он был уже совсем рядом, раздался сердитый окрик:

— Что же вы молчите, черт вас возьми?

«Это относится ко мне», — подумал я, но тут пустота и мрак одолели меня.

Глава II

Мне казалось, что какой-то мощный ритм колышет меня и несет в мировой пустоте. Мерцающие искорки вспыхивали и пролетали мимо. Я догадывался, что это звезды и огненные кометы, сопровождающие мой полет среди солнца. Когда в своем качании я достиг вершины и готов был уже опуститься в глубину, где-то загремел громадный гонг. Неисчислимо долго, целые века, среди этого безмятежного колыхания наслаждался я своим исполинским полетом.

Но сон мой начал меняться. Ритм становился все короче и короче. Меня начало толкать из стороны в сторону с неприятной быстротой. Я едва переводил дух — с такой стремительностью мчался я сквозь небеса. Гонг грохотал все чаще и яростнее. Я ждал его звука с невыразимым ужасом. Потом мне казалось, что меня тащат по хрустящему песку, белому и раскаленному солнцем. Мною овладело чувство невыразимой тоски. Мою кожу опалял огонь. Гонг гудел, как похоронный колокол. Сверкающие точки мчались мимо меня бесконечным потоком, как будто все звездные системы провалились в пустоту. Я вздохнул, мучительно перевел дыхание и открыл глаза. Два человека, стоя на коленях, хлопотали надо мной. То, что казалось мне могучим ритмом, было покачиванием судна на волнах. Ужасный гонг оказался висевшей на стене сковородой, которая брэнчала и дребезжала при каждом наклоне судна. Хрустящий, палящий песок был не чем иным, как жесткими ладонями человека, растиравшего мою обнаженную грудь. Я застонал от боли и приподнял голову. Моя грудь стала шероховатой и красной, и я увидел мелкие капельки крови, проступившие сквозь воспаленную кожу.

— Хватит, Ионсон, — произнес один из двоих людей. — Разве вы не видите, что совсем содрали с молодчика кожу?

Тот, кого назвали Ионсоном, человек тяжелого скандинавского типа, перестал растирать меня и неуклюже поднялся на ноги. У говорившего с ним — судя по выговору лондонского кокни — были мелкие, почти женственные черты лица. Грязноватый полотняный колпак на его голове и не менее грязный передник на тощих бедрах изобличали в нем кока несомненно грязной судовой кухни, в которой я оказался.

— Ну, как вы себя чувствуете, сэр? — спросил он с угодливой улыбкой, доставшейся лишь в наследство от целых поколений получавших на чай предков.

Вместо ответа я с усилием привел себя в сидячее положение и затем, при помощи Ионсона, встал на ноги. Лязг и дребезжание сковороды ужасно действовало мне на нервы. Я не мог собраться с мыслями. Ухватившись за стенку, грязь которой заставила меня стиснуть зубы от отвращения, я потянулся через горячую плиту к надоедливой посудине, снял ее с гвоздя и положил в ящик с углем.

Кок ухмыльнулся при таком проявлении моей нервности. Он сунул мне в руку дымящуюся кружку с какой-то бурдой и сказал:

— Выпейте, вам полезно!

Это был отвратительный отвар, напоминавший кофе, но он согрел и оживил меня. Прихлебывая этот напиток, я рассматривал свою разодранную и окровавленную грудь и потом перевел взгляд на скандинава.

— Благодарю вас, мистер Ионсон, — сказал я. — Но не думаете ли вы, что предприняли слишком героические меры?

Скорее по моим жестам, чем по моим словам, он понял упрек и показал мне свою ладонь. Это была необыкновенно мозолистая рука. Я провел пальцами по ее роговым выступам, и мои зубы снова сжались от ужасного ощущения шероховатости.

— Меня зовут Джонсон, а не Ионсон, — сказал он, хоть и медленно, на очень хорошем английском языке с почти незаметным акцентом.

В его бледно-голубых глазах светились кроткий протест и в то же время робкая откровенность и мужественность, сразу расположившие меня к нему.

— Благодарю вас, мистер Джонсон, — поправился я и протянул ему руку.

Он медлил и в неуклюжем смущении переминался с ноги на ногу. Но потом решительно схватил мою руку и сердечно пожал ее.

— Нет ли у вас какого-нибудь сухого платья для меня? — спросил я кока.

— Есть, сэр, — радостно и весело отозвался тот. — Я сбегая вниз и поищу, если вы, сэр, не побрезгуете надеть мои вещи.

Он вышел или, вернее, выскользнул из дверей с проворством и увертливостью движений, в которых мне почудилось что-то кошачье. Эта скользкость и увертливость оказались, как я впоследствии убедился, самыми характерными его чертами.

— Где это я? — спросил я Джонсона, в котором не без основания предположил одного из матросов. — Что это за судно и куда оно идет?

— Вы — около Фараллонских островов, на юго-запад от них, — медленно ответил он, как будто стараясь говорить по-английски как можно лучше и строго следуя порядку моих вопросов. — Это шхуна «Призрак», которая идет бить котиков у берегов Японии.

— А как зовут капитана? Мне необходимо повидаться с ним, как только оденусь.

На лице Джонсона отразилось крайнее смущение. Он долго возился, пока подобрал в своем словаре полный ответ.

— Капитан — Вольф Ларсен — так люди называют его. Я никогда не слышал его настоящего имени. Но советую вам говорить с ним поосторожнее. Он сегодня бешеный. Штурман...

Он не окончил фразы, так как в камбуз нырнул кок.

— Убирайтесь-ка лучше отсюда, Ионсон, — сказал он. — Капитан потребует вас на палубу, а сегодня не такой день, чтобы ссориться с ним.

Джонсон послушно направился к двери, но через плечо кока кивнул мне с необычайной серьезностью и значительностью, будто хотел подчеркнуть свое прерванное замечание и внушить мне необходимость быть осторожным в разговоре с капитаном.

На руке у кока висела кучка жалкой на вид и дурно пахнувшей одежды.

— Я снял эти вещи сырыми, сэр, — объяснил кок. — Но вам придется довольствоваться ими, пока я высушу ваши над огнем.

Цепляясь за переборки и спотыкаясь от качки судна, я с помощью кока облачился в грубую шерстяную фуфайку и невольно поехал от прикосновения грубой ткани. Кок, заметив гримасу на моем лице, приветливо улыбнулся мне.

— Надеюсь, вам не придется привыкать к подобной одежде. У вас такая нежная кожа, словно у какой-нибудь леди. Я сразу же, как только увидел вас, не сомневался, что вы джентльмен.

Я с первого момента невзлюбил этого человека, и, пока он помогал мне одеться, моя неприязнь к нему еще более возросла. Его прикосновения внушали мне гадливость. Я старался отодвигаться от его руки и вздрагивал, когда он дотрагивался до меня. Это неприятное чувство и запахи, поднимавшиеся из кипевших и бурливших на плите кастрюль, заставили меня ускорить одевание, чтобы поскорее выбраться на свежий воздух. Ведь мне нужно было поговорить с капитаном о доставке меня на берег.

Дешевая бумажная рубашка, с разорванным воротом и подозрительными пятнами на груди, которые я принял за кровь, была надета на меня среди целого потока извинений и пояснений. На ноги я натянул пару грубых башмаков, затем надел голубой выцветший рабочий костюм, причем одна штанина оказалась дюймов на десять короче другой.

— Кому же я обязан этой любезностью? — спросил я, окончательно нарядившись. На голове у меня красовалась шапка юнги, а курткой служил грязный полосатый бумазейный жакет, оканчивавшийся у талии и с рукавами до локтей...

Кок скромно выпрямился, и заискивающая улыбка расплылась по его лицу. Основываясь на моем опыте общения с прислугой на атлантических пароходах, я мог бы поклясться, что он ожидает подачки. Мое дальнейшее знакомство с этим субъектом показало мне, что эта поза у него автоматическая. Видимо, это у него было наследственным.

— Мэгридж, сэр, — раболепно улыбаясь, пробормотал он. — Томас Мэгридж, сэр. К вашим услугам.

— Ладно, Томас, — сказал я. — Я не забуду вас, когда высохнет мое платье.

Его лицо просияло, и глаза заблестели, как будто где-то в глубине его существа зашевелились его предки, смутно вспоминая о чаевых, полученных в прежних жизнях.

— Благодарю вас, сэр, — произнес он с большой благодарностью и почти искренним смирением.

Когда я раздвинул дверь, он тоже скользнул в сторону и пропустил меня на палубу. Я был еще очень слаб от долгого пребывания в воде.

Встреченный порывом ветра, я, пройдя два шага по качающейся палубе, вынужден был ухватиться за угол каюты. Сильно накренившись, шхуна скользила вверх и вниз по длинной тихоокеанской волне. Если, как говорил Джонсон, шхуна шла на юго-запад, то ветер должен был дуть приблизительно с юга. Туман рассеялся, и солнце искристыми чешуйками играло на поверхности воды. Я повернулся к востоку, где должна была лежать Калифорния, но не увидел ничего, кроме плоских полос низко стлавшегося тумана, несомненно того самого, из-за которого попал в катастрофу «Мартинес», а я оказался в моем теперешнем положении. К северу, не особенно далеко от нас, из моря торчала группа голых скал, и на одной из них я различил маяк. К юго-западу, почти в направлении нашего курса, я увидел пирамидальные очертания парусов.

Закончив обзор горизонта, я перевел взгляд на более близкие предметы. Моей первой мыслью было, что человек, пострадавший при столкновении пароходов и бывший на волосок от смерти, заслуживал несколько большего внимания. Кроме рулевого, который через крышу каюты с любопытством поглядывал на меня, никто не поинтересовался моей особой.

Казалось, все были заняты тем, что происходило посреди палубы. Там, возле люка, лежал на спине какой-то мужчина. Рубашка на его груди, поросшей густыми черными, похожими на шерсть волосами, была разодрана. Лицо и шею покрывала черная с проседью борода, которая выглядела бы пышной и пушистой, если бы не сбилась в клочья и с нее не капала вода. Глаза этого человека были закрыты — он, очевидно, находился без сознания. Но грудь тяжело вздымалась; он с шумом вбирал в себя воздух, широко раскрыв рот, борясь с удушьем. Матрос спокойно и методично спускал в океан на веревке парусиновое ведро, потом вытягивал его и окатывал лежавшего на палубе.

Мимо люка взад и вперед расхаживал, сердито жуя конец сигары, тот самый человек, случайный взгляд которого спас меня. Ростом он был не меньше пяти футов и десяти дюймов, но прежде всего мне бросился в глаза не его рост, а производимое им впечатление силы. Он был крупного телосложения, с широкими плечами и грудью, но я не назвал бы его тяжело-весным. Это была жилистая, узловатая сила, какая обычно свойственна нервным и худощавым людям, и этому огромному человеку она придавала некоторое сходство с гориллой. Но в этой силе было что-то независимое от физической внешности. Такого рода мощь мы приписываем первобытным существам, диким зверям, нашим воображаемым, жившим на деревьях предкам — мощь грозную, свирепую, заключающую в себе стихийный жизненный элемент, претворенный в различные формы живых созданий; короче говоря — ту живучесть, которая заставляет змею извиваться, когда у нее отрубят голову, и которая таится в бесформенном комке мяса черепахи, содрогающемся при прикосновении пальца.

Таково было мое впечатление от ходившего по палубе человека. Он твердо стоял на ногах; ступал твердо и уверенно; каждое движение его мускулов, манера пожимать плечами и стискивать губами сигару — все было полно решимости и казалось проявлением избыточной, бьющей через край силы. Но за этой внешней силой чувствовалась другая, дремлющая внутри, но способная в любой миг грозно проснуться, как просыпается ярость льва и бешенство урагана.

Кок высунул голову из кухонной двери и ободряюще улыбнулся мне, указывая пальцем на человека, прогуливавшегося около люка. Таким образом я узнал, что это капитан, тот человек, которого я должен был побеспокоить просьбой доставить меня как-нибудь на берег. Я двинулся было вперед, зная, что мне придется пережить несколько бурных минут, но в этот миг новый сильный приступ удушья охватил несчастного, лежавшего на палубе. Он начал корчиться в судорогах. Подбородок с мокрой черной бородой приподнялся, спинные мускулы напряглись, и грудь вздулась в бессознательном усилии набрать побольше воздуха. Я чувствовал, хотя и не мог этого видеть, что под его бакенбардами кожа принимает багровый оттенок.

Капитан, или Вольф Ларсен, как его называли окружающие, остановился и посмотрел на умирающего. При виде этой последней, отчаянной борьбы матрос перестал лить воду и с любопытством уставился на лежавшего на палубе. Парусиновое ведро опрокинулось, и из него вытекла вода. Умирающий судорожно бил каблуками по крышке люка, потом его ноги вытянулись и застыли, а голова еще продолжала мотаться из стороны в сторону. Но вот мускулы ослабли, голова успокоилась и вздох, казавшийся вздохом глубокого облегчения, сорвался с его губ. Подбородок упал, верхняя губа приподнялась и обнажила два ряда окрашенных табаком зубов. Казалось, его черты застыли в дьявольской насмешке над миром, который он перехитрил покидая.

Тут произошло нечто совершенно неожиданное. Капитан, как гром, обрушился на мертвеца. Ругань непрерывным потоком хлынула из его уст. И это не был просто неприличный способ выражения. В каждом слове было кощунство, а слов таких было много. Они хлопали и трещали, как электрические искры. Я в жизни не слышал ничего подобного. Обладая сам литературной жилкой и питая пристрастие к сочным словцам и оборотам, я мог, как никто другой, оценить своеобразную живость, красочность и в то же время невероятную кощунственность его метафор. Насколько я мог понять, причина всего этого заключалась в том, что умерший — это был штурман — закутил перед уходом из Сан-Франциско, а потом имел неделикатность умереть в самом начале рейса и оставить Вольфа Ларсена без помощника.

Излишне упоминать, по крайней мере перед моими друзьями, что я был шокирован. Ругательств и всякого сквернословия я всегда не переносил. У меня начало сосать под ложечкой, и я испытывал почти тошноту. Для меня смерть всегда была сопряжена с торжественностью и благоговением, она была тиха и священна. Но смерть в таком грязном и отталкивающем виде была до сих пор совершенно незнакома мне. Как я говорю, оценивая выразительность изрыгаемых Вольфом Ларсеном проклятий, я был ими чрезвычайно шокирован. Их палящий поток, казалось, мог сжечь лицо трупа. Я нисколько не удивился бы, если бы мокрая черная борода начала завиваться колечками и вспыхнула с дымом и пламенем. Но мертвому до всего этого не было дела. Он продолжал сардонически усмехаться. Он был хозяином положения.

Глава III

Вольф Ларсен перестал ругаться так же внезапно, как начал. Он снова зажег свою сигару и оглянулся кругом. Взор его упал на Мэгриджа.

— А, кок? — начал он с ласковостью, в которой чувствовались холод и твердость стали.

— Да, сэр, — угодливым и извиняющимся тоном отозвался тот.

— Вы не боитесь, что так вытянете себе шею? Это, знаете ли, нездорово. Штурман умер, и я не могу потерять еще и вас. Вы должны очень беречь свое здоровье, кок. Поняли?

Его последнее слово, в противоположность плавности всей предыдущей речи, щелкнуло резко, как удар бича. Кок съежился.

— Да, сэр, — послышался его робкий ответ, и раздражавшая капитана голова исчезла в камбузе.

При этом разное, касавшемся, собственно, только кока, остальной экипаж перестал интересоваться умершим и занялся своим делом. Но несколько человек остались в проходе между камбузом и люком и продолжали тихонько беседовать между собой. По-видимому, это были не матросы. Как я впоследствии узнал, это были охотники на котиков, считавшие себя несравненно выше простых матросов.

— Иогансен! — позвал Вольф Ларсен. Один из матросов тотчас приблизился. — Возьмите наперсток и иглу и зашейте этого бродягу. Вы найдете старую парусину в ящике. Ступайте.

— Что на ноги, сэр? — спросил матрос.

— Сейчас устроим это, — ответил Ларсен и громко кликнул кока.

Томас Мэгридж, как Петрушка, выскочил из камбуза.

— Ступайте вниз и принесите мешок угля.

— Есть у кого-нибудь Библия или молитвенник? — послышалось новое требование капитана, обращенное на этот раз к группе охотников.

Они покачали головами, и один из них ответил не слышанной мною шуткой, которая была встречена общим смехом.

Капитан обратился с тем же к матросам. Библия и молитвенники были здесь, по-видимому, лишними предметами, но один